

Михаил ПОГОРЕЛЬСКИЙ

«Вдохновение»

(записки нетрадиционного фотолюбителя)

РАССКАЗЫ

Михаил Погорельский

**Вдохновение. Записки
нетрадиционного фотолюбителя**

«Издательские решения»

Погорельский М.

Вдохновение. Записки нетрадиционного фотолюбителя /
М. Погорельский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-969365-5

Мы путешествуем по России и другим странам с фотоаппаратом. Фотоаппарат закреплён на подвесе дрона. Делаем снимки храмов и монастырей с высоты птичьего полёта. Встречаемся с интересными людьми...

ISBN 978-5-44-969365-5

© Погорельский М.
© Издательские решения

Содержание

ПАША	6
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Вдохновение Записки нетрадиционного фотолюбителя

Михаил Погорельский

© Михаил Погорельский, 2019

ISBN 978-5-4496-9365-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПАША

Утренний троллейбус уныло тащился вверх по заснеженной улице Горького. В его замороженных окнах причудливо перемещались преломления неоновых вывесок, фонарей и фар немногочисленных машин. Неоновый свет двигался по ледяному экрану медленно – со скоростью троллейбуса. А фары встречных машин – быстро, создавая космическую переливающуюся картинку. Внизу, под резиновым полом, громко урчал мотор и щёлкали контактами механизмы. В клубах морозного пара на остановках заходили новые пассажиры, звякали медяки в большой железной коробке кассы. Никто не разговаривал.

– Не опускайте копеечку, – вдруг раздался басовитый голос мужика с зажатым непонятно каким образом пятаком в огромных кожаных варежках с меховой отделкой. Школьник с ранцем, надетым поверх шубы, остановил руку прямо над прозрачным окошком кассы.

– Держите. – Он отделил одну копейку и протянул мужику. Очень ловко схватив второй варежкой копейку, тот положил её в карман своего тулупа. А пятак ушёл в щель кассы.

– Спасибо, – пробасил мужик и начал своей мегаварежкой крутить колесо с билетами. Опять стало тихо.

Это морозное московское утро навсегда осталось в Пашиной памяти. Они с мамой стояли на задней площадке троллейбуса и тоже молчали. Точнее, Паша пытался ныть. Но, уже наученный маминым жёстким характером, давно понимал несостоятельность этого. Поводом для нытья стала очень серьёзная проблема. В «Детском мире» начали продавать маленький красивый грузовичок. Серая «Шкода» была настолько не похожа на все игрушки дома и в детском саду, что вызывала просто притягательный трепет. Его закадычный друг по группе Сашка уже получил от родителей этот шедевр и даже умудрился тайком принести его в детский сад на один день. Как же можно было не похвастаться перед Пашей такой машинкой! Они вдвоём играли ею целый день, и даже в тихий час Паша выпросил у друга поиграться машинкой под одеялом.

Вчера Паше удалось путём непрерывного нытья и слёз затащить маму в «Детский мир» – благо большой центральный был недалеко от их дома. Там, на первом этаже, машинка нашлась на витрине. Её было невозможно не заметить! Но мама, увидев цену, наотрез отказалась покупать игрушку. И потащила упирающегося Пашу наверх по лестницам – в отделы, где продавали одежду. Зима была в самом разгаре, но все говорили, что впереди ещё будут очень сильные морозы, – по всем приметам так получалось. И Паше было нужно новое тёплое пальто. Он ходил в старом, доставшемся от выросшего сына подружки, уже совсем не годном и не очень тёплом. Приходилось надевать под низ всякие кофточка, байковые рубашки и шарфы. Но как выкроить деньги на новое пальто с маминой маленькой зарплатой маляра-штукатура, было непонятно. Ещё летом, когда Пашу удалось впервые отправить к дальним родственникам в деревню, ей удалось чуть подхалтурить на ремонте квартиры у знакомых. Тогда удалось купить на осень Паше новые ботинки, штаны и куртку. А как быть сейчас? Она смотрела на ценники немногочисленных моделей зимней детской одежды. Паша точно знал, что зимнее пальто у него есть, а замечательного серого грузовичка – нет. И, похоже, уже не будет. Во что же теперь играть человеку? Так они вчера и ушли из «Детского мира». Оба – несчастные. И без перспектив решения своих проблем.

Троллейбус пересёк площадь с одиноким заснеженным поэтом, ждущим кого-то перед огромным новым кинотеатром. На остановке вошли новые люди. Хлопнули и закрылись двери. Звякали медяки в кассе. Железное блестящее колёсико выталкивало билеты на проезд. В своих горьких думах стояли на задней площадке мама, Паша и его санки. Ехали в детский сад.

Вера Константиновна, Пашина воспитательница, привычным взглядом осмотрела входящего в группу Пашу. Увидела, что ребёнок утром в плохом настроении. Но в пределах допу-

стимого. Сказала приветливое «Доброе утро» и ушла в другой конец зала – пора было готовиться к завтраку. А Паша сразу направился к Сашке – делиться своей трагедией. Начался привычный «рабочий» день младшей группы детского сада.

...А вечером мама не пришла. Разошлись все дети. Паша непривычно сидел один среди разбросанных игрушек. Можно было играть любыми, а не занимать очередь на самые популярные у ребят машинки. Даже большой самосвал с откидывающимся кузовом и колёсами, поворачивающимися рулём из кабины, стоял необычно невостребованным. Что-то случилось. Плохое. Он первый раз в своей жизни видел, как плачет Вера Константиновна. Они сидели вдвоём в большой комнате их группы, и ему тоже захотелось плакать.

Потом пришёл дядя Игорь – мамин брат. Огромный, черноволосый, с бородой. Он растерянно поздоровался с Верой Константиновной. Кивнул Паше: «Пойдём». Вера Константиновна засуетилась, помогая Паше одеваться. Ботинки, кофта, шарф, шапка, пальто... Поясом обвязала поверх, всхлипывая и размазывая слёзы. Паша не понимал, что происходит. Чувствовал нарушение порядка жизни. Мама не пришла. Почему? Обида за не купленную вчера машинку ушла на второй план.

Верхняя часть строительных лесов, на которых работала Пашина мама, треснула в одном из креплений. Оторвалась стальная перекладина и, размахнувшись, как освободившаяся стрелка больших курантов, свободным концом ударила по голове стоявшую под ней женщину. Быстро приехала скорая. До института Бурденко на Маяковке недалеко – быстро домчалась машина. И санитары с каталкой в операционную – как молния. Но не удалось в этот раз врачам спасти жизнь. Очень сильно ударила «стрелка». И даже каска не спасла...

Меняют люди по жизни одни печали на другие. В этот зимний московский день важные игрушечные печали пятилетнего ребёнка сменились на проблемы сироты в детском доме. Абсолютно без шансов получить маленький серый грузовичок со съёмным тентом.

Друг позвонил утром.

Говорит: «Ночью не спалось. Думал: блокада как на душе. Устал. Надо разрывать. А как – непонятно. Думал. Понял: надо по Дороге жизни. По льду Ладоги проехать. Разорвать блокаду. Поедем?»

Осень была. За окном кабинета моросит дождь. Какая блокада, какой прорыв? Ладога, лёд... О чём он? Первая реакция человека – негатив. Потом – поиск доводов за «нет». Потом – более осмысленный поиск доводов за «нет». В этот момент надо прерывать разговор. Надо осмыслить. А потом решать задачи по мере их поступления. В результате – такое путешествие, про которое и сейчас, спустя несколько лет, я могу сказать: это было так, как никогда в жизни уже не будет. И ещё, как пишут иногда в рекламных роликах: «Не пытайтесь это повторить». Но обо всём по порядку.

На уроке математики было шумно. Девятый класс. Но некоторые и таблицу умножения ещё не освоили – не до того. Поэтому Анна Ивановна, честно исполняя свой учительский долг, пыталась объяснять новую тему хотя бы первым партам. Остальные не обращали на неё никакого внимания. Паша сдавал. Играли в «очко». Естественно, на деньги. А они водились у всех. Воровали и чуть грабили. Мало ли в Москве вечером подвыпивших прохожих возвращаются домой по тёмным переулкам. Паша мельком глянул на доску, у которой отрешённая Анна Ивановна писала мелом уравнения.

«Кому это надо?»

Это не просто мысль промелькнула в Пашиной голове. Это «защитый» в мозгах образ жизни. «Кому это надо?» Паша привычным движением дёрнул воротник свитера, как будто он ему мешал, и сдал себе туза. Вот она, математика! А не то, что на доске. Не больше двадцати одного. Если больше – уже плохо. Ну а дальше – рубли. Тут всё понятно. Много надо.

В этот момент внезапно открылась дверь в класс и вошёл «его диктаторство» – директор детского дома. Высокий, худощавый, лысый и несуразный. Его не то чтобы боялись – от его пронизывающего взгляда застывали. Сто злых пап, которых были лишены воспитанники детского дома, собрать в одно тело – это и был Иосиф Михайлович.

Карты успели убраться ещё в тот момент, когда дверь только начала скрипеть. И повороты тел всех учеников задних рядов парт в момент появления в классе директора соответствовали обстановке урока математики, а их внимательные глаза смотрели на абракадабру на доске. Иосиф Михайлович шагнул в класс. Привычно за долю секунды увидел всех и махнул рукой в дверной проём. В класс вошёл Бонифаций. Все отличия между героем известного мультика и человеком, стоявшим рядом с директором, сводились исключительно к одежде. На нём не было тельняшки. Напротив, одет в костюм серо-зелёного цвета и жёлтую водолазку, на ногах – выдавшие виды ботинки. Но волосы – они были точь-в-точь как грива у того льва. И вытянутое вверх лицо – тоже.

Директор выдержал паузу, заполненную ещё одним инспекционным осмотром всего класса, и представил вошедшего.

– Прошу любить и жаловать: Олег Владимирович Борисов. Фотограф. Работает в заводской многотиражке на заводе по соседству. В качестве шефской помощи нашему детскому дому будет вести фотокружок. Мы оборудуем комнату в подвале под лабораторию, купим несколько фотоаппаратов и самое необходимое оборудование – увеличитель, ванночки и прочее. Материалы типа плёнки, бумаги и нужных химикатов тоже купим. Два раза в неделю после работы Олег Владимирович будет приходить и заниматься с вами. Настоятельно рекомендую подумать. И приходить ко мне записываться.

Все ребята расслабились и зашумели. Напряжение спало. Не милиционера привели – и ладно! Да и вроде никто последнее время не попадался. Стали обсуждать новую тему. О фотографировании никто никогда и не помышлял. Какие там фотоаппараты и увеличители! Ручки и карандаши многие толком держать не могут! Только сигареты, спички да кастеты.

Олег Владимирович вежливо попросил прощения у учительницы за прерванный урок и немного напряжённо, но с толком поведал о своих планах относительно кружка. Рассказал о том, что в первую очередь фотография учит человека находить прекрасное в жизни, отразить его в своём кадре и показать зрителям. Что он учит ребят грамотно обращаться с техникой. Вообще, учит технике. А для мальчика это не последнее знание в жизни.

Странно, но ребята внимательно слушали этого смешного на вид человека. И после его ухода ещё долго обсуждали тему, несмотря на призывы Анны Ивановны к тишине.

Паше идея сразу понравилась. Вечером он обсуждал её со своим приятелем Коляном.

– Может быть, прикольно. Смотри: ты ушёл в фотокружок. И тебя никто не трогает. Полы драить или в сортире убираться – всегда можно откосить! – говорил Паша.

– Лишний раз в город мотануться, – вторил Колян.

Много всяких доводов нашлось в пользу записи в кружок. И на завтра оба после уроков поджидали у учительской Иосифа Михайловича. Записались и стали посещать.

Правда, Колян недолго проходил – недели через две ему откровенно надоела теоретическая часть и не хватило терпения дожидаться практической, когда можно будет безнаказанно ходить с фотоаппаратом по городу, делать всякие разные снимки и, если повезёт, знакомиться с девчонками на этой почве. А рассказы Бонифация о светочувствительности плёнки и бумаги, выдержке и диафрагме, глубине резкости и прочей ерунде быстро вводили его в ступор и, главное, не вызывали никакого интереса.

А вот Пашу, напротив, неожиданно захватила затянувшаяся теоретическая часть. При всей его нелюбви к физике элементарные процессы прохождения света через объектив неожиданно были интересны. А когда пошли разговоры о компоновке кадра, о визуализации (вообще, самое сложное слово, которое мог осознать Пашин мозг) – неожиданно проявилась тяга к художественному самовыражению.

– Ты должен научиться видеть кадр до того, как нажмёшь кнопку затвора на фотоаппарате. Я уверен, что все хорошие фотографы каким-то образом при помощи внутренней визуализации или интуитивного опыта видят кадр до того, как его снимут, – говорил Бонифаций.

Вдвоём с Пашей они проводили два вечера в неделю в небольшой комнате, отданной директором под лабораторию. Колян вскоре смылся, а больше никто и не пришёл в кружок – наверное, посчитали не мужским занятием эту фотографию.

Для практического навыка с построением кадра Паша под руководством Бонифация вырезал в толстом чёрном картоне прямоугольное отверстие. Рассматривая окружающий мир через это «окно», можно было играть в визуализацию.

Дни и учёба шли своим чередом. Математика сменяла историю, потом по кругу: русский язык и литература, физика и география. Жизнь в детдоме перемежалась драками, наказаниями и прочими мальчишескими заботами. А Паша всё больше увлекался темой фотографирования. У него уже кое-что стало получаться. Он научился обращаться с фотоаппаратом – правда, это была простенькая «Смена-8М». Умел заряжать плёнку, проявлять её и пользоваться увеличителем. Его захватила магия проявления на фотобумаге нового изображения, возможность влиять на процесс печати – сделать снимок чуть недодержанным или передержанным. Менять форматы и размеры.

Он подолгу засиживался в лаборатории и даже дослужился до того, что имел свои ключи от неё и мог сам, без Бонифация, в свободное время заниматься там.

Иногда Бонифаций приносил журналы о фотографии, и они подолгу сидели за столом и рассматривали профессиональные работы.

– Вот, смотри, – говорил Бонифаций, показывая фотографию в журнале. – Здесь фотограф умышленно нарушил законы построения кадра и «прижал» лицо маленького мальчика в самый угол снимка. Художник стремился при этом показать огромный мир, открывающийся глазам этого мальчика. Такова была его цель в снимке.

Паша любил ездить с фотоаппаратом на Тверской бульвар – это была его малая родина. Здесь можно было практиковаться в съёмке как пейзажей, так и портретов. Пейзажи формировались аллеями, деревьями, домами, троллейбусами и машинами. Портреты – прохожими, людьми на скамейках, покупателями, выходящими из магазинов. Оживлённое место не только создавало множество тем для экспериментов, но и не сильно выделяло пацана с фотоаппаратом из толпы, что давало возможность незаметного снимка. Паше нравилось внезапно подсмотреть выражение лица человека или положение тел в случайно подслушанном диалоге.

Бонифаций говорил:

– Второй раз кадр, который ты почувствовал и увидел, никогда не повторится. Снимай не раздумывая. Не жалея плёнку.

Паша неоднократно это вспоминал. Какая сила заставляет «тормозить» – не вытащить вовремя фотоаппарат? Такие шедевры можно было бы иметь в своём арсенале!

Иногда Бонифаций стал хвалить Пашины снимки, но чаще критиковал. Хотя вскоре стали появляться и положительные отзывы. Даже назрела идея выставить несколько работ на выставке юных фотографов, которая раз в год проходила во Дворце культуры при заводе, где трудился Бонифаций. И они приступили к выбору лучших фотографий.

Но тут в дело вмешался мальчишеский максимализм. Так бывает. Втемяшилась идея, и пока её не реализуешь – не успокоишься. А случилось в Пашиной голове то, что аппарат «Смена 8М» оказался не тем инструментом, который способен реализовать его творческие

задумки. Он видел фотографии, снятые хорошими фотоаппаратами с хорошими объективами, и уже начал понимать разницу в качестве снимков. Паша твёрдо уверовал в то, что только с хорошим фотоаппаратом он сможет победить на выставке. А он должен был победить – показать этим маменькиным сыночкам, что парень из детдома ничем не хуже!

Но шансов заполучить хотя бы «Зенит» не было никаких. Стоили эти фотоаппараты дорого. За «Зенит Е» надо было отдать 100 рублей. А ещё лучше – «Зенит TTL». Этот вообще целых 140 рублей! О таких деньгах даже мечтать не приходилось.

Тогда было решено идти «на дело». С Коляном, которому тоже до зарезу были нужны деньги, обсуждались разные варианты: по степени риска, по возможности исполнения. Главное – надо было добыть необходимую сумму. У Коляна был выход на канал сбыта краденого. То есть он уверял, что есть надёжные люди, которые возьмут не за бесценок приличную одежду, или украшения, или хрусталь. Дело оставалось за малым – добыть это.

Сначала была Александро-Невская лавра, основанная ещё Петром I. Это одно из самых замечательных мест Питера. Но её съели город и многочисленные туристы. Даже могила Суворова находится в музее.

Ранним мартовским утром мало туристов. Тихо и спокойно – как и положено быть в монастыре. В Троицком соборе необычайно пусто – можно без суеты поставить свечу в память о тех, кто не пережил ту блокаду, кто лежит на страшном Пискаревском кладбище или нашёл свой последний приют на дне Ладожского озера.

Дальше наш путь лежал из города на восток, к Ладогe. По шоссе, которое так и называется: «Дорога жизни». Сегодня это неплохая дорога, но во время войны путь проходил по разбитым второстепенным просёлкам и лесным просекам.

Шоссе огибает город Всеволожск и петляет дальше, с памятниками и монументами по сторонам. Сейчас во Всеволожске находится завод по производству автомобилей «Форд». А ведь «полуторка» ГАЗ-АА, стоящая на постаменте у дороги, – это изначально лицензионный Ford-АА. По лицензии выпустили 10 образцов Ford-АА образца 1930 года. А потом, по разработанным и уже модернизированным чертежам, начался выпуск ГАЗ-АА («полуторки») на заводе в Нижнем Новгороде. Когда с началом войны возникли проблемы с материалами и комплектующими для производства, завод перешёл к выпуску упрощённой версии: двери заменили на брезентовые занавески, борта стали неоткидными, оставили только задние тормоза и одну фару спереди. В таком виде машины и ездили по льду Ладоги во время войны. При проваливании под лёд люди обычно не могли выбраться из кузова и погибали. Водитель иногда успевал выпрыгнуть – постоянно открытая дверь кабины увеличивала его шансы на спасение, – а иногда уходил на дно вместе с автомобилем. Другим машинам в таких случаях было запрещено останавливаться во избежание повторения трагедии.

Сухопутную часть Дороги жизни, изобилующую памятниками, на самом деле активно использовали только в начале зимы 1941 года. Потом же путём нечеловеческих усилий было запущено железнодорожное сообщение между Ленинградом и берегом Ладоги. Там, на берегу, шла перегрузка эвакуируемых людей и продовольствия для осаждённого города с вагонов на машины зимой и на корабли и баржи, когда передвижение по льду становилось совсем невозможным. И наоборот.

Показался мемориал «Разорванное кольцо», стоящий на берегу. Мы очень волновались, поскольку так и не смогли выяснить, выезжая из Москвы, стоит на Ладогe лёд или нет. Оказалось, да. Более того, мы увидели несколько машин – рыбаки отъезжают подальше от берега для подлёдной рыбалки. Правда, не сразу удалось найти место для съезда на лёд. На самом

Вагановском спуске – месте, где стоит мемориал, – всё заросло камышом, и проехать было нереально. Но потом мы увидели съезд, укатанный рыбаками, и тоже смогли съехать на лёд.

Это было непередаваемое ощущение! То, о чём ты много раз читал и слышал! Память о людях, совершавших здесь постоянный подвиг на протяжении нескольких лет. Нечеловеческие усилия, налёты вражеской авиации, смерть. Статистика говорит, что за две ледовые навигации по Дороге жизни была потеряна четверть всех работавших на ней машин.

Нам предстояло проехать около двадцати семи километров по льду до посёлка Кобона на противоположном берегу озера. Во время войны Кобона была нашей – именно сюда привозили из блокадного Ленинграда эвакуированных. Только подумайте: около полумиллиона людей было вывезено через это небольшое село!

Погода в этот мартовский день нам очень благоволила. Просто «мороз и солнце – день чудесный!»! Минус 20, искрящиеся на ярком солнце снег и лёд. Лёд гладкий, без трещин. Только иногда виднелись вдалеке полоски небольших торосов – следы от разломов. Рыбаки от берега далеко не уезжают, поэтому вскоре мы остались одни на бескрайнем ледяном просторе. Поначалу было жутковато. Потом привыкли и наслаждались ездой. Вдали показались Зеленцы – три небольших острова, после которых уже стали попадаться рыбаки из Кобоны. Это окончательно укрепило наши силы, и уже через небольшое время мы благополучно подъехали к заветному противоположному берегу. Путь был пройден.

Достаточно было выйти из машины, чтобы понять все прелести ладожской погоды. Ветер буквально валил с ног, и мороз ощущался гораздо сильнее. Но этим ветром пользовались многочисленные любители сноубординга – многоцветные воздушные змеи были повсюду, в какую сторону ни посмотри.

Вокруг был яркий, искрившийся миллиардами маленьких льдинок мир с кайтами, рыбаками и их машинами. Мир, ради которого сражались и погибали советские солдаты, прорывавшие блокаду Ленинграда. Этот мир был прекрасен!

До отеля в Сортавале мы добрались уже без всяких сил только в третьем часу ночи. Петли узкой дороги по холмам вдоль Ладожского озера – то ещё удовольствие! Был нужен виски, и он был.

Взяли их прямо на уроке математики. Анна Ивановна, как обычно, писала что-то невнятное мелом на доске, а класс занимался своими делами. Скрипнув, открылась дверь. Вошёл «его диктаторство» Иосиф Михайлович, и с ним – два милиционера. Паша сразу почувствовал недоброе. А когда директор показал пальцем на него и Коляна, настроение испарилось. Навсегда.

КПЗ, суд, пересылка промелькнули, как в калейдоскопе. На зоне надо было учиться жить по-новому. Да и не жил вроде пока ещё Паша нормальной жизнью.

Отвоевать своё место.

Два года прошло, как нескончаемый кошмарный сон. Не сказать, что в детском доме нормально общались, – так и не завелось у Паши настоящего друга. Но Бонифация в минуты особой печали вспоминал он с душевной теплотой – ведь никто более искренне не хотел в Пашину жизнь привнести добра и... А тут – человек человеку волк.

Больше всего на свете Паше были ненавистны вечера. Днём ещё работа и еда, учёба, будь она неладна, всякие хозяйственные дела – что-то постирать или зашить – убивали время. А вечером его убивать было очень сложно. Сказать, что он не любил читать, – ничего не сказать. Просто не читал. Вообще. В жизни ни одной книжки. Телевизор, который разрешалось смотреть в определённое время, он тоже не смотрел: кино его не интересовало, а уж про новостные программы и говорить нечего. Основная масса таких «нигилистов», как он, сидела

в дальнем углу барака и травила байки под чифир и папиросы. Ритуал заваривания и распития чифира Паша знал и уважал, но не любил. Он был эстетом по натуре, и резкий горький вкус напитка ради кратковременного кайфа ему претил. Но был необходимым атрибутом к байкам и папиросам. А это Паша уважал. Сам острый на язык и с хорошей памятью, он мог «держать» даже такую аудиторию очень долго. За это его уважали.

Почти все ребята были старше его. У некоторых это была уже вторая «серия» на зоне. Но почти все понимали и ценили Пашину способность убивать разговорами нудное вечернее время.

Место на соседних с Пашей нарах долго было свободным. И вот однажды, возвратившись в барак после трудовой смены, Паша застал на нём нового человека. Парень был взрослый, несуразно высокий и тощий. Свежевыбритая голова добавляла портрету новичка ещё больше уродливости.

– Владислав. – Он протянул Паше узкую вялую руку.

Начало разговора с незнакомцем на зоне – «за что сидишь». Обменялись информацией. Оказалось, одинаковые статьи. Второй вопрос: откуда? Обменялись. Оказалось, тоже одинаково – Москва. Так и познакомились.

Влад был истово православный. Ну, на словах – так точно. Библия и какие-то другие книги с описаниями жизни святых лежали у него, а теперь и у Паши в тумбочке (она была общая). Хотя для Паши это всё равно, что книги по квантовой физике или там математике. Он ничего не читал. Но вечерами он уже не шёл в «клубную зону» барака на чифир и байки, а сидел напротив Влада и слушал его рассказы или как тот читал вслух одну из своих книжек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.